

Прошло почти две недели с тех пор, как Эйгон прибыл в Пентос.

Его рука покоилась на рукояти меча, рассеянно водя большим пальцем по стали. Особняк был полон напряжения. Слуги торопились и суетились вокруг, не решаясь много говорить.

Сегодня должна была состояться свадьба Дени с кхалом Дрого, которая теперь отменена благодаря Эйгону. Они не поехали к согласованному месту встречи к югу от города, где должна была состояться свадьба. Кхал никого там не найдет. Нет невесты для него.

Они подняли его. Скоро он придет искать их, чтобы узнать, что происходит.

Он ждал с Дейенерис и Визерис в особняке, а сир Джорах стоял на страже рядом с ними. Фростфайр отправился на охоту на север, и это было прекрасно. Он не хотел, чтобы их... гости видели ее прямо сейчас.

Иллирио торопливо шел по дорожке, его жир покачивался от спешки. "Они идут."

"Как много?" — спросил Эйгон.

«Дрого и полдюжины его Кровавых Всадников. Это не боевая сила».

Он кивнул. Оглянулся через плечо. «Сир Джорах, если что-то выйдет из-под контроля, ваш приоритет — убедиться, что ни один из этих дикарей не приблизится к принцессе».

— Конечно, ваша светлость.

Визерис посмотрел на него с явным раздражением на лице. «Это глупость, племянник. Когда ты увидишь их, ты поймешь, что я был прав, устроив брак между кхалом и моей сестрой».

Эйгон покачал головой. «Хватит. Познакомимся с нашим несчастным гостем».

Он последовал за Иллирио из особняка ко входу в роскошное поместье. Когда они подошли ближе, он услышал фыркание и топот лошадей, их копыта цокали по каменным дорожкам.

Эйгон бросил взгляд через плечо на Дени. Она выглядела испуганной, но в ее глазах была сталь. Она была готова сделать это.

Они завернули за угол, и он увидел кхала.

У Дрого была кожа медного цвета и чёрные глаза. Он был высоким и мускулистым, возвышаясь над окружающими на поджаром рыжем жеребце. У него была длинная черная борода и усы, а также черные волосы, заплетенные в невероятно длинную косу, украшенную крошечными колокольчиками. Его волосы свисали до бедер, что, как знал Эйгон, было символом его престижа среди дотракийцев.

Если кто-то терпел поражение, его заставляли отрезать себе косу — величайший позор в их культуре. Волосы Дрого были длиннее, чем у кого-либо, кого Эйгон видел в своей жизни. Его выращивали на протяжении всей его жизни, и многочисленные колокольчики, украшающие косу, рассказали ему о многих битвах, в которых участвовал и выиграл этот военачальник.

Этот человек никогда не был побежден в бою. Эйгон не был настолько глуп, чтобы думать, что у него есть хоть малейший шанс победить Кхала Дрого в единоборстве. Он был хорош, но это был человек, который жил мечом в культуре, основанной на битвах и завоеваниях, и он стоял выше всех них.

Дрого был могуч. Другого способа выразить это не было. Величайший кхал своего времени.

Но Эйгон не будет сражаться на земле, когда до них дойдет битва.

Дрого выглядел рассерженным. Пока это был тихий гнев, но черные глаза тлели. Взгляд кхала метнулся к Таргариенам, и он остановился, нахмурившись при виде незнакомого ему Эйгона.

Он произнес что-то гортанным языком, его волнение было ясно. Один из его Кровавых Всадников заговорил за него на простом языке, и в его голосе был дотракийский акцент. «Кхал Дрого недоволен. Ваши люди не появились в том месте, о котором мы договорились. Он требует свою невесту».

Эйгон остановился прямо перед кхалом, всего в нескольких метрах от его лошади. Он должен был признать, что это был великолепный зверь с мощными мускулами. Жеребец фыркнул и вскинул голову, но мальчика это не впечатлило.

Что лошадь для дракона?

«Здесь нет невесты для кхала Дрого», — ответил Эйгон. Дотракийский переводчик поднял бровь. Мальчик не сводил глаз с Дрого, который смотрел на него сверху вниз.

Переводчик пересказал Дрого то, что он сказал, и кхал зарычал, снова заговорив на своем грубом языке. «Кто отказывает кхалу в том, что ему было обещано?»

«Я Эйгон Таргариен, глава дома Таргариенов. Я здесь, чтобы извиниться за разрыв брачного договора, который мы заключили; Визерис не должен был продавать вам Дейенерис. Я не могу позволить вам завладеть ею».

Этот перевод вообще не удался.

Ну, я пытаюсь быть дипломатичным, подумал он, когда Дрого зарычал и слез с лошади, шагнув вперед, пока не оказался прямо перед Эйгоном. Мальчику пришлось запрокинуть голову, чтобы посмотреть на кхала, который был почти на две головы выше его.

Он снова заговорил. Переводчик сделал свое дело. «Кхалу Дрого все равно, почему. Его невеста была обещана. Она будет у него. Она родит ему детей».

Эйгон посмотрел в черные бездны глаз дотракийского кхала. "Нет."

В них вспыхнула ярость, и Дрого заговорил, почти крича Эйгону в лицо. "Тогда вы обещали городу совершить набег, невиданный ранее. Кхал Дрого поведет своего кхалесара в Пентос, и мы поедем по улицам! Мы возьмем все, что пожелаем! Мы возьмем всех женщин, которых пожелаем! Он возьмет невесту, которую ему обещали, и он ее трахнет! Потом отдаст своим Кровавым Всадникам! И если от нее что-нибудь останется после этого, он пустит лошадей в ход!"

Ярость в крови Эйгона взревела. Ушел тихий волк, наблюдающий и терпеливый.

Дракон бесстрашно посмотрел на кхала Дрого, обещая смерть.

— Ты скажи кхалу Дрого, — прорычал Эйгон, не боясь разъяренного человека перед ним. «Что у него будет только огонь и кровь. И что драконы едят лошадей».

С этими словами он развернулся и оставил кхала позади себя, уводя Дейенерис. Она была

бледна и дрожала, но он не позволял дотракийскому дикарю иметь удовольствие смотреть на нее дольше, чем это было возможно.

Дейенерис глотнула воды, медленно позволяя страху исчезнуть.

Атмосфера все еще была напряженной, но рядом с ней Джон уже разбирался в своем плане с Иллирио и сиром Джорахом. Они обсуждали, как лучше справиться с грядущим вторжением дотракийцев.

Визерис ушел в свои покои.

— Они ударят по нам с юга, — сказал Иллирио, указывая пальцем на маркер на карте Пентоса и его окрестностей. «В прошлых рейдах это была их любимая точка удара. Охрана там самая тонкая, и они прорвутся через ворота за считанные минуты. Это также ближайший вход в мой дом, так что Дрого, скорее всего, воспользуется им, чтобы добраться до него». нам."

— Местность там в основном луговая, — промурлыкал Джон. «Мы увидим, как они приближаются издалека».

«Достаточно далеко, чтобы добраться до дракона и оседлать его в битве?»

«Я буду на Фростфайре до того, как мы их увидим», — решил он. «Мы попросим кого-нибудь сообщить нам, что дотракийцы уже в пути. Когда они нанесут удар?»

— Это будет днем, — сказал Джорах. "Скорее всего, завтра. Дрого не увидит необходимости ждать. Их лошади плохо видят ночью. В любом случае, они предпочитают совершать набеги на открытом воздухе, чтобы все видели. Это лучше подходит для них, когда они ищут славы среди кхалесар».

«Я знаю, что спрашивал об этом раньше, но ты уверен, что сможешь превзойти их с помощью своего дракона?» — спросил Иллирио, с тревогой глядя на Джона. «У Дрого самый большой кхалесар в Дотракийском море — около сорока тысяч человек».

— Не все из них воины, — напомнил ему Джон. «Многие из них женщины и дети. Они не будут воевать».

"Несмотря на это."

— Я отрежу их драконьим пламенем Фростфайра, — Джон ткнул пальцем в карту и провел ею прямую линию между Пентосом и предполагаемым направлением атаки. «Их передняя волна будет вынуждена остановиться, тогда я пролетю над ними и сожгу их дотла».

— Они могут ринуться прямо сквозь пламя, — заметил Джорах.

«Даже если они это сделают, я ослаблю атаку настолько, чтобы наши лучники могли подстрелить любого отставшего. Я не планирую быть с ними нежным. Я подожгу все эти поля, если потребуется. Если Дрого не сдастся, он потеряет большую часть своих боевых сил».

— Он не знает, что такое капитуляция, — настаивал Иллирио. "Он никогда не был побежден в бою!"

— Он никогда раньше не сражался с драконом, — категорично сказал Джон. «Я заставлю его учиться».

Они не выглядели полностью убежденными, но они уже планировали, что охрана будет наготове, если дотракийцы действительно выберутся на улицы Пентоса. Городу не разрешалось иметь армию после того, как Браавос давным-давно доминировал над ними. Это было прискорбно, но теперь уже ничего не поделаешь.

Однако у всех Магистров была охрана, и они были готовы к бою, когда на них нападут дотракийские крикуны. Это было бы немного. В одиночку у города не было бы шансов.

Но теперь у них были Джон и Фростфайр.

Джон отпустил их, отправив Иллирио и сира Джораха на встречу с другими Магистрами и составление плана предстоящей атаки, а также установку системы сигнализации.

Он повернулся к Дэни, все еще молча сидевшей рядом с ним, и нерешительно положил свою руку на ее. "Как дела?"

— Боюсь, — тихо призналась она. «Я не хочу, чтобы меня разносили, как кусок мяса, которого будут насиловать, пока я не умру...»

— Я не позволю им прикасаться к тебе, — яростно сказал он.

— Но я также не хочу, чтобы тебя и Фростфайра подстрелили с неба.

«С нами все будет в порядке. У Фростфайра толстая чешуя. Их стрелы ее даже не поцарапают».

— У тебя нет доспехов дракона, Дж... Эйгон, — запротестовала она, едва спохватившись с его именем. «Если вас подстрелят, вы можете упасть с нее».

«Я буду в порядке», — пообещал он. "Я даю тебе слово."

— Но если нет.

Джон поджал губы. «Если со мной случится самое худшее... что ж, Фростфайр убьет всех дотракийцев до последнего на пастбищах. Я знаю, что она это сделает; она не удовлетворится ничем меньшим. Но если я завтра умру, тебе нужно снова найти Фростфайр и связать ей."

«Я не могу».

— Ты можешь. Ты ей нравишься, Дени. Ты уже летала с ней раньше.

«Я был с тобой. Она твой дракон».

«Она примет тебя, когда ее Наездник уйдет».

— Не говори так. Ты только что пообещал мне не умирать.

— Извини, — пробормотал он. Джон вздохнул, прежде чем обнять Дэни и крепко обнять. Она уткнулась лицом ему в шею и крепко сжала пальцами его тунику.

Они ничего не сказали; просто держали друг друга крепко и близко так долго, как могли.

Остаток дня прошел. Луна возшла и упала. Солнце снова поднялось.

Сердце Эйгона уже колотилось в груди. Он почти не спал. Он был напряжен, у него не было

особого аппетита, но он был готов как никогда.

Он надел толстые меха, которые привез с севера. Из Винтерфелла. Это не подходило для климата, но это была лучшая одежда, которая у него была, чтобы отражать стрелы или, по крайней мере, смягчать урон, который они могли нанести. Он также надел легкую броню под мехами, просто на всякий случай. Было жарко, но необходимо.

"Нервный?" — спросил его сир Джорах, пока они шли к конюшням. Джорах должен был отвезти Эйгона к Фростфайру, а затем вернуться в Пентос, чтобы охранять ворота.

— В ужасе, — признался Эйгон.

«Хорошо. Твои инстинкты будут острыми», — похлопал молодого человека по плечу Джорах. — Мы верим в вас, ваша светлость.

"Некоторые из вас."

"Да, я полагаю так."

«Ты уже получил мои приказы», он посмотрел на Рыцаря, и в его глаза вернулась часть напряженности. «Если со мной случится худшее, ты должен увести принцессу как можно дальше от дотракийцев. Отыщи Фростфайр и приведи к ней Дейенерис — она сможет соединиться с моим драконом, если я умру».

Он замялся и немного понизил голос. «Не позволяйте Визерису претендовать на дракона. Ни при каких обстоятельствах ему нельзя доверять такую силу».

Джорах опустил голову. — Как прикажете, ваша светлость.

Они нашли Иллирио, ожидающего с Дени и Визерисом. Его дядя выглядел так, будто предпочел бы быть где угодно, только не здесь — в идеале, мчаться прочь от города во весь опор. Визерис не был бойцом, это точно. Иллирио казался встревоженным, но более устойчивым, чем дядя Эйгона.

Дени встретила с ним взглядом, и он увидел панику, которую она пыталась подавить.

«Я вернусь с косой кхала Дрого», — пообещал он им. "Или пепел его."

«Ваша светлость, учитывая обстоятельства, я хотел бы воспользоваться этой возможностью, чтобы сказать вам, что то, что вы собираетесь сделать, совершенно безумно», — сказал ему Иллирио с легким писком в голосе.

Эйгон не знал, почему это заставило его рассмеяться. Может быть, он был настолько нервным, что сходил с ума.

Иллирио улыбнулся, его лицевые мышцы слегка напряглись, и Эйгон был почти уверен, что думает о том же. — Ты помнишь сигнал?

«Три удара в колокола».

— Удачи, ваша светлость.

Он посмотрел на своего дядю. «Я знаю, что ты меня презираешь. Посмотри, Визерис, мой дракон и я победим крикунов, и ты увидишь, что они нам никогда не были нужны».

Визерис ничего не сказал, только посмотрел на него так, словно во всем этом беспорядке виноват Эйгон.

На самом деле он не ошибся в этом.

Джорах закончил готовить лошадь и оседлал ее, глядя на Эйгона. — Вы готовы, ваша светлость?

— Да, — он повернулся к лошади. Эйгон какое-то время молчал, затем сделал глубокий, прерывистый вдох. "Блядь."

Мальчик повернулся, сделал два шага к Дейенерис и крепко поцеловал ее. Она ахнула и схватилась за его плечи, впиваясь пальцами в меха его плаща. Он не стал медлить и через несколько мгновений отстранился.

Никто из них ничего не сказал, но ему потребовалось больше самоконтроля, чем он хотел признать, чтобы оставить ее и сесть на лошадь. Он даже не стал смотреть на то, что, несомненно, было возмущенным выражением лица Визериса.

Эйгон собрался с духом, когда лошадь выбежала из Пентоса к холмам на севере, где ждал Фростфайр. Он ощутил вкус Дэни на губах и пожалел, что не может снова ощутить ее вкус.

Кхал Дрого и его Кровавые Всадники привели воинов кхалесара к Пентосу. Отряд легкой кавалерии численностью около десяти тысяч человек. Еще немного и город будет скучно брать.

Он до сих пор не мог понять, откуда у ребенка взялось высокомерие отказаться от того, что по праву принадлежало ему. Это было одно из худших оскорблений, которые он когда-либо получал; и все, кто оскорблял его прежде, были мертвы.

Он добавит дурака в список тех, кто бросил ему вызов и проиграл. Ему не терпелось трахнуть женщину, которую он желал, в которой ему было отказано. Возможно, он даже будет держать ее при себе, пока она не родит ему ребенка.

Его всадники заметили впереди город и начали скандировать и визжать, желая совершить набег. Прошло довольно много времени с тех пор, как им удавалось атаковать город с такой силой. Обещание победы было восхитительным ощущением, взволновавшим его кровь.

Он вытащил свой аракх, и его люди последовали его примеру, грохот их боевых кличей достиг лихорадочного апогея. Дрого едва слышно слышал звон городских колоколов вдалеке. Бессмысленная тревога. У Пентоса не было сил, чтобы сдерживать их.

И вдруг звук, непохожий ни на что из того, что он слышал прежде, прогремел над землей.

Кровь кхала Дрого застыла, когда чудовище пролетело над Пентосом с севера; зверь в белой чешуе с такими огромными крыльями, что они отбрасывают тень на землю. Он взревел, сотрясая воздух, и устремился к ним, обещая смерть своим взглядом. На его спине его острые глаза безошибочно заметили фигуру человеческого всадника.

Всадник на драконе.

Лошади в панике закричали, ненадолго сопротивляясь своим хозяевам, прежде чем продолжить атаку. Даже его собственный жеребец дрогнул перед лицом воздушной смерти.

Зубы дракона сверкнули, его крылья захлопали, когда он нырнул к ним, и издал боевой клич, по сравнению с которым его кхалесар был бледным.

Был краткий миг, когда рев дракона заставил пастбища замолчать, и кхал Дрого услышал голос — мальчишки-дурака — рёв во всю мощь своих лёгких.

"ДРАКАРИС!"

Пасть Фростфайра разверзлась, и белый ад окутал ряды дотракийцев. Эйгон услышал крики умирающих людей и лошадей, уже пронизывающих воздух.

Дикари были застигнуты врасплох. Он повернул Фростфайр на запад по кругу, и она выплюнула еще больше драконьего огня в дотракийцев под ними. Она повернула, пока не оказалась впереди орды, а затем выпустила еще один поток пламени прямо на их пути, отрезав лошадей от Пентоса.

Он смотрел, как передняя линия лошадей резко остановилась перед этой огненной стеной. Некоторых из них всадники столкнули в пламя, и он услышал их крики, присоединившиеся к песне смерти, уже наполнившей луга.

Фростфайр пронесся над ними и утопил застрявших дотракийцев в огненном океане. Равнины были подожжены, и ад быстро распространился, быстро захватив всех, кто оказался рядом с нападением.

В них полетели стрелы, и Эйгон зарычал, устремив взгляд дальше на юг. Те части огромной орды дотракийцев, которые еще не были поражены, сплотились и начали стрелять по ним. Их заостренные палки отскочили от шкуры Фростфайр, заставив ее раздраженно зарычать.

Он заставил ее лететь вокруг орды дотракийцев, набирая при этом некоторую высоту. Когда они спускались, он увидел, как несколько крикунов повернулись, чтобы натянуть луки. Как один, они выпустили град стрел.

Фростфайр фыркнула и отпрянула назад, хлопая крыльями в мощном ритме. Ветер, который она подняла, остановил стрелы в воздухе, и они бесполезно упали на землю. Эйгон призвал ее спускаться дальше.

Его дракон пролетел прямо над ордой, когтями срывая некоторых всадников с лошадей и пронзая их. Ее челюсти сжались, чтобы схватить крикуна, и когда она отшвырнула его в сторону, его тело яростно раскололось на части брызгами крови.

Стрелы летели мимо него ближе, чем он был этому рад. Эйгон потянулся на ее шипах, чтобы немного подняться, а затем она обрушила на орду драконий огонь. Поток шел от самого тыла дотракийцев, и они летели до самого фронта кхалесара, разделяя орду на две половины.

К настоящему времени те, кто несколько мгновений назад кричали о рейде, теперь кричали в агонии.

Он снова ударил по фронту орды, укрепив стену пламени. Несколько дотракийцев действительно преодолели его, заставив своих лошадей прыгнуть через стену, но их было жалко мало. Теперь они даже не пытались атаковать город, вместо этого остановились, чтобы стрелять в дракона, заливая их ряды драконьим огнем.

Эйгон почувствовал, как стрела неглубоко пронзила его правую руку, сумев пробить его меха.

Но в худшем случае это была легкая рана. Он перевел взгляд на ближайшую к морю кавалерию и издал боевой клич, на который Фростфайр ответила своим оглушительным ревом.

Дракон выпустил еще одну вспышку огня. К этому времени вся передняя половина дотракийского кхалесара была почти поглощена пламенем. Только самые восточные силы были несколько целы. Тыл орды пытался перегруппироваться, так как фронт их кхалесара полностью остановился.

Он задавался вопросом, мертвы ли уже кхал Дрого.

Фростфайр снова нырнула вплотную к крикунам, испепеляя все больше и больше лошадей своими очищающими языками белого огня. Запах горящей плоти наполнял воздух так, что Эйгону пришлось бороться с позывом к рвоте.

Он направил Фростфайр к морю и развернул ее назад, чтобы ударить дотракийцев с запада. На этот раз он потянул ее позвоночник, и она завизжала, хлопая крыльями и выпуская воздух в ад, который она зажгла. Пламя жадно пожирало кислород и превратилось в бурю жара и смерти, пронесшуюся над умирающими крикунами.

Они полетели вперед, четвертая кхаласар еще одним потоком драконьего огня на всем пути от его западного фланга до восточного края. К этому времени он едва мог видеть дотракийцев в самой северной части атаки, так много было огня.

Задняя группа колебалась. Фростфайр зарычала на них, возмущенная тем, что они еще не подчинились ее ужасному гневу, и Эйгон повел ее на новый удар.

Еще одна стрела едва не попала ему в голову и прошла мимо левой скулы так быстро, что он не успел среагировать. Теплая кровь потекла по его лицу. Эйгон зашипел от боли и гнева. Его дракон ответил на его ярость.

Она снова полетела низко, схватив когтями еще больше крикунов и разорвав еще больше зубами. Ее челюсти сомкнулись на голове лошади, и животное бесполезно рухнуло на землю, будучи обезглавленным.

Они поднялись, чтобы избежать новых стрел. Масса дотракийцев была огромной, но они истребляли ряды орды.

Взгляд Эйгона снова обратился к передней части кавалерии, и он увидел, как они пытаются развернуться, чтобы убраться к чертям из пламени, которое сулило только смерть. Фростфайр взобрался наверх, чтобы осмотреть нанесенный ими ущерб, далеко за пределы досягаемости стрел. Его дракон зарычал, изрыгая огонь, словно желая большего.

Орда из всех сил пыталась выбраться из драконьего огня. Бродячие лошади с визгом разбегались во все стороны; некоторые из них были в огне и умирали на бегу.

Эйгон смотрел, как кавалерия начала отступать на юг. Значительная группа выживших из головы рейда, которая пострадала сильнее всего, нашла проход между языками пламени и хлынула через него, пытаясь выбраться на свободу. Он затаил дыхание, готовый вернуть Фростфайра, если они попытаются вернуться обратно в город.

Они уничтожили орду. Тысячи были мертвы или умирали, а дотракийцы даже не коснулись ворот Пентоса.

Будет ли Дрого продолжать попытки? Или кто в этот момент руководил кхалесаром?

Он внимательно наблюдал, как лошади пробирались через костер и вокруг него на юг — и продолжали ехать.

Они отступали.

Эйгон полетел за ними.

Дрого подгонял черного жеребца под собой вперед, пока они ехали на юг. Его любимое красное сгорело в огне, которого он только что избежал, спрыгнув с лошади. Он нашел вороного без седока и сам оседлал его.

Он был покрыт пеплом своих мертвецов и лошадей. Все, кто был еще жив из головы атаки, были омрачены тем немногим, что осталось от их поджаренных союзников.

Это была не битва. Это была резня.

Впервые в жизни Дрого приказал отступить.

Его люди даже не сомневались в этом. Дотракийцы бросились удирать от парящей над ними крылатой смерти. Он прекратил свой огненный дождь, но надолго ли, он не мог сказать. Если они потеряют еще слишком много людей, его кхалесар будет парализован — они и так уже потеряли слишком много.

Кхал Дрого был гордым человеком, но не идиотом.

Наконец он почувствовал вкус свежего воздуха, свободного от дыма, пепла и смерти, когда они вышли из-под обстрела и повели своих воинов на юг. Пока этот зверь был поблизости, они не могли тронуть Пентоса — он это знал. Их стрелы абсолютно ничего не делали с его толстой шкурой, и насколько он мог судить, он мог бесконечно стрелять.

Это даже не выглядело усталым.

Ни один дотракийец, кхал или кто-либо другой, не мог надеяться сравниться с ним.

Чудовище дракона внезапно пролетело впереди них, реву, и развернулось, пока снова не налетело на них лоб в лоб. Кхал открыл рот, готовый крикнуть и приказать выжившим разделиться и обойти дракона, но запнулся, когда тот взмахнул крыльями, приземлился и с серией тяжелых ударов приземлился.

Белый дракон высоко поднял свою царственную голову и взревел, кровь, струившаяся из его пасти, принадлежала его всадникам и их лошадям. Он присел, готовый атаковать с земли или снова лететь, чтобы облить их еще большим драконьим огнем.

Дрого замедлил ход своей лошади, и его кхалесар последовал его примеру. Зверь не атаковал — пока.

Он заметил движение на спине белого ужаса и с изумлением наблюдал своим кхалесаром, как глупый мальчик появился на вершине дракона. Его недоверие стало еще более явным, когда дракон чуть не встал на колени, опускаясь на землю, чтобы мальчик мог спуститься по его крылу и приземлиться на равнину.

Мальчик стоял перед драконом — малявка маленького роста со стрелой в руке, с кровью на

лице и еще несколькими стрелами, воткнутыми в его толстые меха, которые так и не пронзили его плоть. Ему еще далеко до зрелости, но когда Дрого встретился с ним взглядом, он не смотрел на ребенка.

Он смотрел на военачальника, который бросил вызов десяти тысячам кавалеристов Дрого верхом на одном звере и победил .

Бродячая лошадь, лишенная седока, внезапно промчалась мимо рядов дотракийцев. Дракон схватился за него и бросился быстрым шагом, вцепившись челюстями в кричащее животное. Он потряс жеребца гортанным рычанием, едва не разорвав лошадь пополам, прежде чем уронить умирающую фигуру на землю. Дракон выпустил пламя, поджаривая свою последнюю жертву, и начал пировать зубами острее мечей.

Мальчик лишь мельком взглянул на своего дракона, а затем снова посмотрел на кхала Дрого. Он говорил на простом языке, с которым Дрого не был знаком. Кхал повернулся к своему кхалесару и позвал переводчика.

У него возникло искушение просто приказать броситься в атаку и пронзить ребенка за убийство его воинов, но дракон в настоящее время жевал череп лошади и смотрел на него опасными фиолетовыми глазами.

Он знал, что бой окончен. Кхал Дрого слез с черного жеребца и пошел к ребенку, а за ним переводчик.

Дракон зарычал, когда они подошли слишком близко, и они остановились в нескольких шагах от мальчика. Звук дракона, перегрызающего лошадиные кости, было достаточно, чтобы держать его в напряжении. В любой момент одним неверным движением зверь убьет всех, кто остался от атаки.

Мальчик говорил. Его переводчик сделал свое дело.

"Мне жаль."

Бровь Дрого нахмурилась, когда он увидел, как ребенок говорит, и услышал его слова на понятном ему языке.

«Это было несправедливо по отношению к тебе или твоему народу. Тебе обещали то, чего не следовало давать, и я понимаю, что это было оскорбительно. Я пытался извиниться за неудачу моего дяди. Я знаю, что ты не мог принять это. Я знаю, что вы были обесчещены.

Он чувствовал раздражение. К чему стремился ребенок?

«Я больше не причиню вреда ни тебе, ни твоему народу», — сказал мальчик. «Мой дракон больше не обрушит на твоего кхалесара огненный дождь».

Дрого наклонил голову. Он намеревался позволить им уйти живыми.

«Но пойми это», и теперь мальчик сделал медленные шаги вперед, подходя ближе и говоря, пока не встал прямо перед кхалом. Дракон последовала за ним, оставаясь позади своего Всадника. «Если ты снова будешь угрожать Дейенерис Таргариен, я приду за тобой и убью тебя. Если ты когда-нибудь причинишь ей вред, я убью всех твоих кхалесаров до последнего».

Его серые глаза горели; под стать порочному рвению пурпурных сфер драконов позади него.

«И если кто-нибудь из ваших людей когда-нибудь убьет Дейенерис, я подожгу Дотракийское море от самых западных равнин до Ваес Дотрака и далее. Ваши земли превратятся в пепел. Останется, и от твоего народа не останется и следа. Вот что значит для меня Дейенерис Таргариен».

Никогда в жизни у Дрого не было такого искушения убить кого-то.

Ребенок стоял перед ним, крошечный по сравнению с кхалом, истекая кровью из раны на лице, и смотрел на него с такой силой, которая не подходила для такого юного мальчика. Дракон зарычал у него за спиной, но в данный момент Дрого был слеп к звериной угрозе.

Эйгон Таргариен не боялся его. Он понял, что никогда не боялся его — он вспомнил, как впервые увидел мальчика в особняке Магистра, и вспомнил, как этот сопляк все еще имел наглость смотреть ему в глаза и отказывать Дрого в том, что ему принадлежит, дракон или не дракон. Ребенок был бесстрашным. Абсолют в своем положении.

Дрого хотел убить его, но он также должен был задаться вопросом, где, черт возьми, этот мальчишка держит огромные гребаные яйца, необходимые для того, чтобы оседлать этого проклятого дракона и сказать ему — величайшему кхалу своего времени — что делать.

Кхал перевел взгляд с мальчика на своего дракона, который следил за разговором с тревожным разумом в глазах. Зверь пока был спокоен — он перестал питаться лошадью, и Дрого понял, что вчерашняя угроза мальчика была не просто хвастовством.

Драконы действительно ели лошадей.

Великий Жеребец взглянул на этого ребенка и дал ему скакуна, с которым не могла сравниться ни одна лошадь. Даже лучший скакун Дрого, ныне мертвый в аду, поджарившем его воина, никогда бы не смог сравниться с ним.

Дрого медленно потянулся за своим толстым охотничьим ножом. Взгляд мальчика на мгновение метнулся к лезвию, но он казался невозмутимым. Его собственная рука потянулась к ножу из-под плаща. Дракон угрожающе зашипел позади него, оборки вспыхнули на его шее, угрожающе показывая.

Он крепко держал нож в руке, желая только воткнуть его в горло мальчика. Но это гарантировало бы смерть его кхалесара — милосердие дракона перестало бы существовать.

Он не мог этого сделать.

Так случилось, что кхал Дрого упал на колени перед Всадником Дракона, глядя на него снизу вверх. Даже сейчас ребенок был едва выше его роста. Он протянул руку, дрожа, и взял косу в руку. Нож вернулся за голову.

Мальчик смотрел на него темными глазами, и Дрого показалось, что он смотрит на волка.

Резким взмахом он перерезал себе косу.

Он слышал, как воины позади него спешили, когда Дрого держал в руках длинную часть своих отрубленных волос — длиннее, чем любые другие, потому что он никогда в жизни не стриг их раньше. Прикрепленные к нему колокольчики тихо зазвенели, и кхал поклонился, предлагая его Всаднику на Драконе.

Его кхалесар упал на колени позади него и тоже поклонился.

Эйгон Таргариен подождал, пока весь кхалесар подчинится, а затем взял у Дрого невероятно длинную косу. Он плотно обмотал его вокруг левой руки.

— Возвращайся к остальным своим людям, — сказал ему мальчик. «Мой дракон и я больше не будем нападать на вас, как я уже говорил».

Он отвернулся, и дракон опустился на колени, позволив мальчику забраться ему на спину. Дрого наблюдал, чувствуя ужасную боль поражения в своем сердце, как Всадник оседлал своего дракона, а косы вокруг его руки были знаком его победы.

Напоминание о первой битве Дрого.

— Прощай, кхал Дрого, — обратился к нему Эйгон Таргариен. «Я не думаю, что мы встретимся снова».

Дракон завопил на оставшихся в живых от его ярости и взмыл в воздух, избивая их мощными ветрами, подгоняемыми огромными белыми крыльями. Дрого повернулся и смотрел, как он летит обратно к Пентосу.

Он, спотыкаясь, поднялся на ноги, как и остальные его всадники, потрясенно уставившиеся на своего кхала. В их глазах не было оскорбления — во всяком случае, пока, потому что теперь его волосы были коротко подстрижены. У него не было косы; нет колоколов для отображения его побед.

Дрого смотрел, как летит дракон, и знал, что у них никогда не было шансов. Он сел на коня и грубо приказал им вернуться к кхалесару. Они вернутся к Дотракийскому морю.

Он надеялся никогда больше не увидеть Эйгона Таргариена и его дракона.

Дейенерис подошла к стенам Пентоса с мастером Иллирио и сиром Джорахом. Утренний воздух был свежим и чистым; западные ветры свежие с моря.

Вчера пахло смертью.

Она до сих пор помнила, как Джон и Фростфайр летели над ордой дотракийских крикунов, помнила свое недоверие и трепет, когда дракон поджег все южные поля, чтобы уничтожить потенциальных рейдеров. Она потеряла из виду большую часть орды, когда они сгорели дотла за стеной драконьего огня, которая отрезала их от Пентоса.

Двое охранников получили легкие ранения от случайных дотракийских стрел, от крикунов, которые пробежали сквозь пламя и попытались атаковать, прежде чем поняли, что остальная часть их кхаласара никогда не сможет пройти через огонь.

Джон получил стрелу в руку и тонкий порез на левой щеке. Остался бы шрам. В остальном он был практически невредим.

Единственными ранами Фростфайр были маленькие проколы в перепонках ее крыльев, куда ее поразили не сдувшиеся стрелы. Они уже лечили. Казалось, она их даже не заметила. Как только бой закончился, она обработала свои скудные раны, а затем прилетела на место бойни, чтобы подобрать тела для еды.

Город праздновал массово; впервые дотракийцы были отбиты от Пентоса, и никто не получил серьезных ранений. Никакое имущество не было повреждено. Вольный город был цел. Кхал Дрого, самый могущественный кхал своего времени, был сокрушён в бою.

Это было неслыханно.

Они нашли Джона, смотрящего на руины южных равнин со стен.

Дени тоже посмотрела на них. Луга были выжжены до черноты, и несколько небольших костров все еще горели. Ночью они светились сильнее, освещая поля по мере того, как жар медленно тускнел и угасал.

Она видела, как Фростфайр бродит среди развалин, обнюхивая обгоревшие тела дотракийцев и их лошадей и время от времени кусая их. Казалось, что какое-то время ей не нужно будет охотиться.

Взгляд Дэни вернулся к Джону. Он был необычайно тихим с тех пор, как битва закончилась.

"Ваша милость?" — подсказал Иллирио.

Джон пошевелился и посмотрел на них. На нем была тонкая белая туника и темные бриджи, а также сапоги, более подходящие для климата Пентоса. Его меха чистили от пепла, который он собрал во время битвы.

Она вспомнила, как он вернулся с косой кхала Дрого, обернутой вокруг его руки. Иллирио немедленно позаботился о том, чтобы коса и колокольчики были спрятаны в маленький сундучок для сохранности; бесценный трофей первой крупной победы Джона в бою.

Он не выглядел таким взволнованным.

— Я и раньше убивал людей, — внезапно сказал Джон тихим голосом. «Я и раньше приказывал Фростфайру убивать людей. Я всегда убивал только тогда, когда это было необходимо».

Взгляд его вернулся к выжженным полям. Они были совершенно лишены жизни, за исключением дракона, который теперь отбирал ее бесчисленные убийства. Это был разительный контраст — это белоснежное существо на опустошенной черной равнине.

«Я знаю, что это была необходимая битва. Я знаю, что должен был их убить, и все же...»

— Тебе это не доставляет удовольствия, — закончил за него Джорах. «Убийство никогда не бывает приятным занятием. Только дураки и поджигатели войны находят радость в смерти».

Джон рассеянно кивнул. "Да."

— Это мудро с вашей стороны, ваша милость, — сказал мальчику Иллирио. «Тираны жаждут крови. Короли проливают ее только тогда, когда это необходимо».

Мальчик фыркнул. — Я сейчас не такой уж король, не так ли?

«Проблема, которую можно исправить со временем и терпением. Вы пользуетесь расположением жителей Пентоса. Наши барды уже пишут песни о вашей победе, а наши художники рисуют Море Белого Пламени».

— Так они называли эту битву?

«Одно из многих имен, да! Вы и ваш дракон провозглашены «Погибелью Дотракийца» по всему Пентосу. Это немалый подвиг, ваша светлость».

«Это не делает меня счастливым», — признался Джон. «Я не думаю, что убийство когда-либо будет».

Иллирио только просиял. — Однажды вы станете великолепным королем, ваша светлость.

Мальчик выдавил легкую улыбку. — Я ценю вашу доброту, магистр.

«И я ценю, что ты следишь за тем, чтобы мой любимый город был в целости и сохранности! Вся доброта Пентоса принадлежит тебе», — ответил толстяк. «Теперь, я знаю, что ты уже довольно давно здесь. Мои слуги скоро приготовят еду. Ты вернешься в особняк, чтобы разговеться с нами?»

— Думаю, я задержусь здесь еще ненадолго, — пробормотал Джон. — Но да, я скоро вернусь.

«Великолепно. Мы будем с нетерпением ждать вашего возвращения, ваша светлость».

Толстяк повернулся и ушел. Сир Джорах тоже начал было уходить, но остановился, когда Дени не последовала за ним. "Принцесса?"

— Не могли бы вы уделить мне минутку с моим племянником, сиром Джорахом? Думаю, я пройду с ним до особняка.

Джорах перевел взгляд с принцессы на Джона и обратно, затем кивнул. Он отвернулся и последовал за Иллирио — вместе с охраной Магистра — обратно в поместье.

Как только они скрылись из виду, и единственными людьми вокруг них были горожане, занятые своими утренними делами, Дейенерис подошла ближе к Джону и вложила свою руку в его. "Как дела?"

— Я выживу, Дени, — пробормотал он. Она подняла другую руку, чтобы обхватить его щеку, поворачивая его, чтобы посмотреть на нее. Ее пальцы деликатно обвели тонкий порез от стрелы, которая могла бы очень легко убить его, если бы она сместилась на несколько дюймов.

— Ты хоть спал?

— Нет, — признал он. Она могла сказать это по темным пятнам под его глазами. Он выглядел измученным.

— Поговори со мной, Джон, — тихо сказала она ему. «Я хочу помочь тебе, чем смогу».

Какое-то время он молчал. Затем он поднял руку, чтобы прижать ее к своему лицу, поворачиваясь, чтобы прижаться губами к ее коже. Она вздрогнула от ощущения. На ее запястье все еще был браслет из ракушек, который он купил для нее.

— Я пытаюсь решить, что нам теперь делать, — прошептал он. «Мы не можем оставаться в Пентосе дольше».

Дэни нахмурилась. "Почему бы и нет?"

— Как только король Роберт узнает о том, что здесь произошло, он купит самых опасных убийц, которых только сможет себе позволить, — пробормотал Джон, глядя ей в глаза. Он защитил ее

и город от нападения дотракийцев, но страх все еще оставался. Страх за нее. «Если мы останемся, мы просим, чтобы на нас напали. Вам с Визерисом и так повезло».

Она поджала губы. "Куда мы должны пойти?"

— Не знаю. Мы могли бы отправиться на юг, в Мир или Тирош, но не знаю, выдержу ли я рабство. О Лисе не может быть и речи — горожане убили всех драконьих владык и драконов, обитавших там после Судного дня. Валирия Не знаю, смогут ли они сейчас убить Фростфайр, но у меня нет желания это выяснять, они точно убьют нас за то, что мы с ней связаны.

«Я всегда хотел посетить Старую Валирию, но это всего лишь руины, по крайней мере, я так слышал. Мы вряд ли сможем остаться там надолго. Я не хочу приближаться к Заливу Работоторговцев. по сравнению с Вестеросом, здесь не так много городов, в которых мы могли бы жить».

Дени задумалась на несколько мгновений. "Поехали в Браавос. Он не терпит рабства и в любом случае находится дальше от Королевской Гавани. Мы могли бы остаться там на время и решить, что делать оттуда. Если бы мы взяли корабль, у нас было бы много пора подумать о наших дальнейших действиях».

«Я не думаю, что могу позволить себе корабль», — усмехнулся Джон.

«Ты знаешь не хуже меня, что Иллирио даст нам один, если мы только попросим. Вы можете попросить Пентоса почти о чем угодно, и они дадут вам это».

Какое-то время он молчал. «Ты думаешь, ты помнишь, где твой старый дом? Тот, с красной дверью и лимонным деревом?»

Губы Дэни изогнулись вверх. "Может быть."

Джон подумал еще несколько минут, затем кивнул. «Это Браавос».

Она кивнула вместе с ним. Джон посмотрел на нее еще несколько мгновений, прежде чем вздохнуть, а затем придвинулся ближе, чтобы поцеловать ее в лоб. «Я рад, что все это закончилось».

— Я тоже, — пробормотала она. Дени сжала его руку. «Пойдем, мне нужно поесть. А тебе нужно отдохнуть».

Губы Джона изогнулись в кривоватой улыбке, и он позволил Дейенерис оттащить себя от стены и поля пепла за ней. Он только раз оглянулся, а затем шагнул немного быстрее, чтобы идти рядом с ней, пока они возвращались в поместье Иллирио.

<http://tl.rulate.ru/book/80897/2471535>